

Жизнь Достоевского – его лучший роман

Телеканал "Культура" с 11 мая начал показ нового двенадцатисерийного документального цикла "Жизнь и смерть Достоевского". О цикле рассказывает автор и ведущий – писатель, историк, доктор филологических наук, президент Фонда Достоевского, профессор Игорь ВОЛГИН.

– В последнее время интерес к Достоевскому заметно возрос. Достаточно упомянуть новые экранизации, многочисленные театральные постановки. На ваш взгляд, чем

интересен Достоевский современному читателю, зрителю?

– Вообще, образно говоря, Достоевский – это мы. Но "мы" – не как отдельные эмпирические люди, а как люди вообще – в высшем своем проявлении. Гений всегда демонстрирует предельные возможности человеческого духа. Поэтому любое прикосновение к Достоевскому – к его биографии, творчеству – есть помимо прочего еще и акт самопознания. Человек – главный предмет Достоевского, а он, человек, как показывает опыт XX века, изменился довольно мало. Основные вопросы, которые волновали автора "Бесов", актуальны и в XXI столетии.

– Биография Достоевского – благодарная тема для телеплощадки: столько в ней захватывающих, поистине детективных сюжетов...

– Жизнь Достоевского – лучший его роман, поразительный и по сюжетным ходам, и по своему внутреннему напряжению. Не говоря уже о драматической развязке, в которой как бы воплощается тайная мысль всего "сценария". Его смерть оказывается в высшей степени символической. Достоевский умирает в своей квартире в Кузнецком переулке, а за стеной, совсем рядом, находится конспиративная явка "Народной воли". В тот час, когда арестовывают его соседа – террориста Баранникова, у Достоевского открывается первое кровотечение. Второе, приведшее в конце концов к смерти, происходит, когда в соседней квартире падает в засаду еще один член "неуловимого" исполкома "Народной воли". Вокруг смертного ложа Достоевского разыгрывается страшный спектакль: здесь "сходятся" царь и профессиональные цареубийцы. В конце жизни он оказывается и символически, и в буквальном, физическом смысле лицом к лицу с русской революцией, чьими вопросами он мучился и чьи ответы категорически

И. Волгин

отвергал. Только один этот воистину шекспировский сюжет заслуживает отдельного сериала.

Жизненный путь Достоевского – это некая модель русской истории. В его биографии в сжатом виде отразились скитания нашего национального духа.

– В судьбе Достоевского есть то, что Пушкин называл "странными сближениями"...

– Нет ни одной писательской биографии, в пределы которой вошло бы такое разнообразие даруемых нашей исторической жизнью персональных возможностей. То, что Пушкин и другие великие провиды мыслят как некую биографическую перспективу, с Достоевским случается вьязе. "И я бы мог..." – пишет Пушкин, изобразив пять виселиц с силуэтами казненных. Достоевский там был. "Не дай мне Бог сойти с ума..." – и вот критики уже уверяют читателей, что Достоевский так и впал в помрачение рассудка, почему и дописал до "Дневника писателя" и "Бесов". И, наконец, пушкинские строки: "Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег". На исходе жизни худо-бедно такое пристанище у Достоевского появляется. Старая Рус-

са, где создается роман "Братья Карамазовы".

– В двенадцати сериях невозможно отразить все коллизии этой фантастической жизни. По какому принципу вы отбирали материал?

– Конечно, эта жизнь не вместились бы ни в какое количество серий. Поэтому пришлось пожертвовать очень и очень многим. За кадром остались целые биографические материи: например, весь сибирский период, чрезвычайно важный для Достоевского, – каторга, солдатчина... Не хотелось говорить об этом белло. Выпал огромный "отношенческий" пласт – взаимодействие с Тургеневым, Толстым, Некрасовым... Не стремились мы охватить и историю текстов, историю тех или иных произведений. Пришлось обозначить – чаще всего пунктирно – только отдельные эпизоды, отдельные узловы моменты этой жизненной драмы.

Начинается цикл серией "Родиться в России", в которой рассказывается о происхождении рода, детских впечатлениях, о "странной" смерти отца писателя. Я, например, склонен думать, что его убили собственные крестьяне, хотя по официальной вер-

сии отец Достоевского умер естественной смертью. Затем: "Тайна Михайловского замка". Ведь именно в Михайловском замке, где располагалось Инженерное училище, воспитанником которого являлся Достоевский, был убит Павел I. И через много лет схема его убийства, совершенного с молчаливого согласия сына, воспроизводится в романе "Братья Карамазовы". Серия "Дебют. Цена успеха" – о сенсационном, как сейчас бы выразились, появлении романа "Бедные люди" и последующем охлаждении публики. Серия "Пропавший заговор" рассказывает о Достоевском – жертве политического процесса 1849 года, о той смертной участи, которую он пережил, будучи возведенным на эшафот...

Пять серий цикла посвящены теме Запада. Россия и Европа – одна из центральных тем творчества Достоевского: от разрешения этого диалога зависит, по его мнению, судьба мира. Его поездки в Европу были связаны и с личной драмой, и со страстью к игре. Для Достоевского Запад – некое загробье (с элементами рая и ада), это иной мир, и отношение к нему двойственное: с одной стороны – восхищение "страной святых чудес", а с другой – неверие в западную цивилизацию, ощущение ее истощенности, исторической тупиковости...

– Еще не так давно о заграничном периоде жизни Достоевского широкому кругу читателей было мало что известно. О его страсти к игре в рулетку старались упоминать пореже...

– Да вся его жизнь – рулетка. Благодаря этой страсти, которая не отпускала Достоевского целых десять лет; сегодня у нас есть такие романы, как "Игрок" и в какой-то степени "Идиот". Когда их автор загнал себя в работу? Когда доходил до крайней степени отчаяния, когда, оставшись без копейки денег, он оказывался в ситуации экстремальности. Он все время "колеблется над бездной". Видимо, в игре проявлялась внутренняя потребность риска. Ведь недаром один его герой говорит, что рулетка – игра по преимуществу русская. Действительно, это игра ментальная. Для Достоевского – это противоборство с Судьбой, которой он бросает вызов.

Еще одна отчасти "западная" тема – роман с Аполлинойрией Сусловой. О нем фильм "Подруга вечная". Эта женщина сыграла исключительную роль в жизни Достоевского (Аполлинурия Суслова явилась прототипом Полины в "Игроке"). Впервые в творчестве Достоевского появляется модель любви-ненависти.

– Это была несчастливая, роковая страсть?

– Страсти вообще имеют тенденцию быть роковыми. Что касается Сусловой, она глубоко уязвила его сердце. А уязвленное сердце – могучий источник творчества. Много лет спустя Василий Васильевич Розанов, который был моложе Сусловой на целых шестнадцать лет, влюбился в нее без памяти, и она стала его женой. Но Суслова, увы, бросила и его. Достоевский делал ей предложение, и, я думаю, что если бы оно было принято, автор "Игрока" не прожил бы после этого слишком долго.

– Во втором браке, с Анной Григорьевной, роль любящей и страдающей стороны выпала уже ей? По прочтении ее воспоминаний иногда создается впечатление, что он больше мучил – ревновал, был порой жесток и деспотичен, чем любил...

– Он, безусловно, любил ее, причем любил страстно – почитайте их переписку! Недаром же Анна Григорьевна вымарывала из его писем целые абзацы – она справедливо опасалась нашего ретроспективного любопытства. Он писал ей: вот мы с тобой уже двенадцать лет женаты, Аня, а мой супружеский восторг с каждым годом все возрастает. Как он казнится, как ругает себя последними словами, когда проигрывается дотла! Мудрая женщина, она никогда не попрекала его, она была идеальной писательской женой. Как сказал поэт:

Этой отваги и верности

Не привилось ремесло. –

Больше российской словесности

Так никогда не везло.

Недаром именно Анне Григорьевне посвящены "Братья Карамазовы". – Цикл "Жизнь и смерть Достоевского" порадует нас новыми научными открытиями, которыми столь богаты ваши книги о Достоевском? Пользовались ли вы в сериале результатами собственных исследований?

– Я не стремился поразить публику неизвестными фактами. Знаете, однажды Корней Иванович Чуковский выступал перед аудиторией, и ему прислали записку: "Прочтите, пожалуйста, новые стихи Блока". На это Чуковский грустно ответил: "Зачем я буду читать новые стихи, когда вы и старых не знаете?" В жизни Достоевского слишком много "известного неизвестного". Конечно, я опирался на свои книги, но телевидение – это совсем другой жанр.

– В съемках фильма принимали участие известные актеры – Александр Филиппенко и Борис Плотников...

– Они, на мой взгляд, прекрасно справились со своей нелегкой задачей. Филиппенко, вообще говоря, –

герой Достоевского, в нем есть некая "безуминка", некая инфернальность. Борис Плотников – интеллигентный и внутренне сдержанный, он делает акцент на психологической глубине и подтексте. Вместе они воплощают разные грани Достоевского, показывают возможность различных его трактовок. От этого фильм, как мне кажется, только выигрывает. Подбирая тексты из романов, писем, дневников для актерского исполнения, я сообразовывался прежде всего с особенностями дарования этих мастеров.

– Как вы ощущали себя в роли ведущего?

– Это мой первый опыт большой телевизионной работы. Я не писал заранее авторского текста, не готовил его, не репетировал. В кадре я всегда импровизирую – по ходу дела. В этом есть свои плюсы, ибо речь возникает как бы в присутствии зрителей, но в то же время и свои минусы, поскольку это не "абсолютный", выверенный, книжный текст.

– "Жизнь и смерть Достоевского" – первый, но не последний опыт биографического телесериала? Вы планируете продолжить работу на телеканале "Культура"?

– Ну об этом трудно гадать. Но вот что хотелось бы заметить. Если наш впечатлительный зритель, затеив дыхание, следит за сочиненными профессиональными "сериальщиками" детективными историями (порой не лучшего вкуса и весьма неправдоподобными), то что мешает ему медленно, вдумчиво, подробно следить за перипетиями настоящей, реальной жизни, чей высший смысл имеет касательство к его собственной судьбе и к судьбам его Отечества? Я тут имею в виду не только Достоевского. А сюжеты из жизни Пушкина, Толстого, Фета, Маяковского, Булгакова, Мандельштама! Это – наша национальная история. Их жизни – больше, чем просто биографии. Иосиф Бродский говорил: "Искуство, в частности литература, – не побочный продукт видового развития, а ровно наоборот. И если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литературу – и, в частности, поэзию, будучи высшей формой словесности, – представляет собою, грубо говоря, нашу видовую цель". То есть нашу цель как рода человеческого. Это поразительная и, на мой взгляд, весьма перспективная мысль.

Беседа велась
Викторией ВОЛКОВА

Фото
Александра КАРЗАНОВА

Культура – 2004. – 13–19 мая. – 22